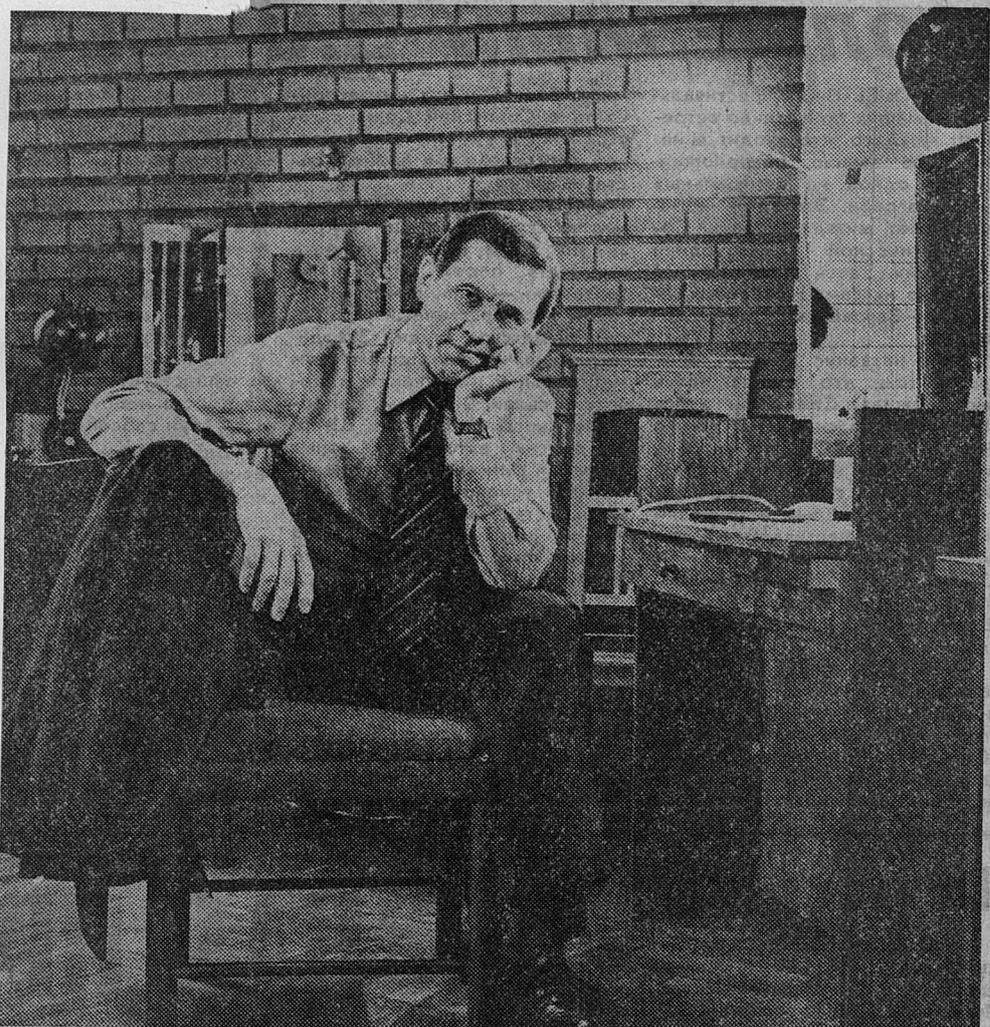

Комсомольская правда
г. Москва

Перед спектаклем.

Фото В. НЕКРАСОВА.

ВРАЧ настаивал: нужен рентген. И, конечно же, никаких резких движений, тем более репетиций. Валерий согласился. Но едва за врачом захлопнулась дверь — собрался, завел машину и рванул в театр.

У него была травма: то ли трещина, то ли перелом ребра, и я думал застать его дома. Но утром жена по телефону мягко ответила: уже уехал. Позвонил в обед — на репетиции, вечером — еще не вернулся, звоните позже. Звонить? Однажды Золотухин написал, что любит время, когда город затихает, не слышно машин, дети спят, друзья не звонят — знают, этот час его. На столе только лист бумаги...

Валерий в темной куртке, джинсах: не экранный, не сценичный. И не лирический герой своей прозы. Без аккордеона. Кто он — Бумбараш или Грушницкий, ходоки в Смольный или брехтовский водонос, Григорий Гай или Федька Разбойник? Тщетно пытались критики выяснить: кто же ему ближе? Он и сам не знает. Расставлять своих героев по ранжиру считает по меньшей мере бесполезным. Уверен в другом: все ему необходимо, потому что «цепляют» до слез, до сердца...

Был такой фильм «О друзьях-товарищах». Десятнадцатый год. Война. Разруха. Три паренька приходят работать в ЧК. Режиссер хотел, чтобы одного из них обязательно сыграл Золотухин. Но Валерий отказался, зато попросил — нет, настоял на роли секретаря горкома партии Горского. Да и роли по-настоящему не было — два эпизода. Снимали под «дождем» — под брандсбойтами, на морозе. Всего-то и говорить минуту: один дубль, второй... А тут еще пожарник неуклюже повернулся, и ледяная струя резанула Золотухина по горлу. На последней фразе он захлебнулся. Начиная сначала... Но для него все эти физические передраги были привычными. Он вынес из своего детства способность преодолевать боль.

Лежа, не вставая с постели (в семь лет прицепился костный туберкулез), отучился в санатории первые три класса. Потом плясал везде и всюду — в самодеятельности, на свадьбах, плясал, пока ноги не становились ватными, пока красные мотыльки перед глазами не закрывали весь свет. Часами искаживал склоны Исток-речушки, на которой стояло родное село, — большие колени «скрипели на всю округу». И выкарабкался, осидил болезнь. Члены приемной комиссии театрального института здорово бы удивились, узнав, что мальчишкой его считали калекой уже на всю жизнь...

— Валерий, Вы часто упоминаете в своих повестях, в интервью Владимира Степановича Фомина...

— Я начался с него. Каждому нужен повод — че-

Соловьев
 ловек, который обозначит для тебя начало пути. Моим стал школьный учитель Фомин. Он впускал меня в свою жизнь, разговаривал со мной на равных, советовался по всем житейским вопросам. Фомин увидел во мне актера. И не только увидел — заставил им стать. Он был моей академией художеств, где сразу заведовал всеми кафедрами. Научил быть «добытчиком»: из всего прочитанного, услышанного добывать зерна истинного. Докапываться до глубины, до того корня, который кажется и недобываемым, но который обязательно — женьшеневый. Он учил меня ловить ускользающие краски каждого мига, укладывать до случая в запасники памяти сердца то, как барахтаются лошади в трясине, как гугают мужики в бане, как по утрам отец пьет молоко, ищет свой ремень, стаскивает сапоги после пашни, как гнет шею к земле наша кобыла Рыжка...

— Валентин Распутин в предисловии к Вашей повести «Дребзги» писал, что талант только тогда талант, когда способен на самостоятельную жизнь, самостоятельное слово. А чтобы его сказать, нужна цепкость и смелость мысли, настойчивость характера, который никакой игрой не заиграть, никакой ролью не спрятать, нужно ощущать в себе «соли и воздух, тайные знаки и «родимые пятна» своей земли», нести в себе Отечество...

— У Твардовского есть великолепные стихи: «Вся суть в одном — единственном завете: То, что скажу, до времени тая, Я это знаю лучше всех на свете — живых и мертвых, — знаю только я». Очень боюсь, что уйдет время и не успею сказать то важное, что знаю только я. Не успею сыграть большую и сложную судьбу, в которой, по словам поэта, отразился век. Боюсь старости... Потому что через пару лет уже не сумел бы сыграть, например, того же Дмитрия Громцева из недавнего фильма «Человек с аккордеоном».

Здесь я был опытнее своего героя. Ему нет и тридцати, а я уже сорокалетний. И в театре прожил почти половину этих лет. Хотя военное время не знал и на оупо — родился 22 июня сорок первого, — но помогли его сыграть еще и песни тех лет. Они и сегодня у меня на слуху. Помню, как мама пела, как звучали из репродуктора на столбе у селы. В фильме я много пою. И не только в этом...

— Что позволило, наверное, «зачислить» Вас в штатные певцы? Недаром же раздаются голоса: не так поет, утрирует, с надрывом...

— Может, и утрирую, и с надрывом. Но я же не эстрадный певец. И пою не от имени Золотухина — от лица своего героя. «Ой, мороз, мороз» в «Хозяине тайги» звучит дважды: милиционер Сережкин поет мягко, приглушенно, а второй раз песня за кадром — раздольная, во весь голос, широкая, как сама тайга. Или поет дядя Саша из «На всю оставшуюся жизнь». Страшно поет этот израненный, измочаленный, полусумасшедший человек, поет, словно рыдает на собственных поминках.

— На Одесской киностудии, где снимали фильм «Весна двадцать девятого», до сих пор вспоминают Вашу телеграмму на ЦТ...

— При монтаже картины выбросили эпизод: мой герой Гай пляшет с иностранцем, который помогал строить первый тракторный завод в нашей стране. Режиссер сокрушался, но ничего не предпринимал для спасения эпизода. И тогда я дал на ЦТ телеграмму. Так, мол, и так, поскольку сижу без голоса, не обессудьте за телеграмму. Прошу вернуться к этому эпизоду. Уверен, он необходим. Вскоре позвонил главный редактор и пообещал разобраться, а ответ прислать в Ростов-на-Дону (вместе с театром — хоть и безголовый — уезжал на гастроли). Каждый день приходил на

бил, забыл, какой урожай у меня на родине. Я завелся: «А ты почему знаешь?» «Знаю», — и показал вырезку из газеты, отчет ЦСУ. «Зачем это тебе?» — искренне удивился я. «Надо, о хлебе нашем думаю...»

— Ваша повесть «Дребзги» не автобиография, и тем не менее ее главный герой Володя по нравственному стержню, духовному потенциалу — это, по-моему, Вы. Он мечтает выучиться на артиста, прославиться исполнением главных ролей, сняться в кино, стать знаменитым и... поехать в свою деревню руководить самодеятельностью. Так почему же Вы до сих пор не там?

— Потому что здесь могу лучше всего делать то, что умею. Играть.

Театр на Таганке — мое крыльцо. Здесь моя семья, мой дом. Но мучит, не дает покоя другое. После войны нескладно жили, неустроенно, тяжело. Не сбежал ли я от всего этого, решив стать артистом, в другую жизнь: праздничную, нарядную, красивую?.. Не знаю...

— Недовольство собой часто посещает Вас?

— Вот вчера весь спектакль злился на себя. А финал вышел хорошо. (Играли «Доброго человека из Сезуана»). Недоволен тем, что часто поддаюсь суете. Не умею спасаться от телефонных звонков, от мелких забот: кому-то билет в театр достать (свой, чужой — какая разница), кому-то с транспортом помочь (уехать, уплыть, улететь), кого-то устроить на ра-

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

От Исток - Речушки...

почтамт, дрожащими руками — серьезно говорю — протягивал паспорт в окошечко «до востребования». И однажды мне подали лаконичную телеграмму: «По вашей просьбе рассмотрели эпизод. Он вставлен в картину. Считаю, что это было нашей ошибкой». И я заревел... Елки зеленые, думал я, как мы подчас легко со всем соглашаемся...

Человек должен быть неговорчивым, если дело касается его принципов. Не делай я попытки оставить эпизод, перестал бы уважать себя. Мне кажется, человек принципиальный, бескомпромиссный очень нужен сегодня. Потому что всеядность, благодушие — заразительны, они мешают наводить порядок в нашей жизни. Они, как гонконгский грипп, мгновенно превращаются в эпидемию, парализуют способность человека действовать.

Каждой весной разливаются речушка в моем родном селе, и каждый год жители ругаются, что уедет отсюда навсегда. Одной «мудрой» голове и пришла мысль: перенести село на косогор. Начали строить. Угрохали уйму денег. И только через семь лет поняли: не годятся эти земли. Ни воды в колоде, ни картошки на огороде. Пришлось оставить Быстрый Исток на прежнем месте. Все ждали и молчали, никто не хотел вмешиваться. Это спокойствие (вернее сказать, равнодушие) маленькой деревне обернулось не только финансовыми — моральными, что серьезнее, больнее — потерями...

— Время требует честной оценки нашей жизни, разговора начистоту о любой нашей проблеме. Удастся ли Вам этот разговор начистоту со своим зрителем?

— Настоящий актер обязан иметь обостренную гражданскую позицию. Нельзя сыграть неравнодушное — нужно быть человеком неравнодушным. Нельзя сыграть борца, не будучи борцом по своей гражданской сути. Кибернетики знают, что «при сообщении того, что уже известно, количество информации равно нулю». Социальная успокоенность и есть такой нуль. Я вспоминаю один мой разговор с Владимиром Высоцким. Странный, необычный разговор... «Скажи мне, Золотухин, вот у вас на Алтае по плану 16 центнеров зерна на круг надо собрать. Вы в лучшем случае по 12 берете, но план выполняете... Откуда?» Я растерялся: не пом-

боту, в больницу, на курорт. Размениваю свое время на медяки. И не хватает его порой на главное... В суете часто играю не то, что люблю, репетирую не то, что хочу...

— И все же кто Вы в первую очередь: актер, писатель, песенник?

— Артист. Уже говорил не раз, что другой профессии не знаю. Ничего другого не умел и не умею. А вот кино или театр? Чего не хватает в театре — ищете в кино.

— Умеете ли Вы себя беречь?

— Да: если горит красный свет, то стараюсь дождаться зеленого. Ну а если серьезно, то в работе стремлюсь быть расчетливым. Например, как не сорвать голос до финала, чтобы спектакль доиграть на полной выкладке и спеть понастоящему...

Отношусь к себе с большой долей иронии. В Югославии — театр недавно вернулся оттуда — Алла Демидова полупутя сказала мне: «Давно мы с тобой не общались, не собирали свои дребзги. Вещателем ты стал...» Резануло. Хочу слушать других, вбирать, впитывать в себя чувства, мысли, улыбки, выражения глаз, настроение этого пасмурного дня за окном...

Ему приснился их бывший военком. Усы, выправка — все чин чинном. Петя он очень любил. И решил выставить на краевой конкурс художественной самодеятельности мужской хор. Пошел в субботу селом — там постоит, послушает, в другом месте. И через неделю знал, где какой голос «живет». Выписал всем повестки. Явились. Позанимался с ними строевой, а потом выкатил бочку кваса: угощайтесь, мужики. Выпили по кружке — хорош квасок. Ну а теперь споем. Так и состоялась первая светка. Больше кваса не выставил, но хор получился, даже призовое место в смотре занял. Так вот, приснилось, что встретил его военком и говорит: «Хоть ты и нашего алтайского кваса, но уж больно много дел на себя взвалил. Так славу себе, что ли, зарабатываешь? Помню, ты мечтал ранить и врачевать человеческие души... Но это позволено лишь тому, кто сам — открытая рана. А ты?»

«А я? — спросил он себя, проснувшись. — А я?»

И раскрыл дневник.

Беседу вел
П. ПОЛОЖЕВЦ.